

Тени в лесу / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Тени в лесу / рассказ ТЕНИ В ЛЕСУ

Мне девять лет. На излете – 90-е. Если на обед в школе нам дают вермишель с бледно-розовыми сосисками, я счастлива. Когда у нас в гостях бывает бабушка, она вздыхает: «Без огорода не выжить». Говорят, что Борис Ельцин скоро уйдет – «и что тогда?» – обсуждают перемены и новую Россию, а в электричках проповедуют люди в белом. Они призывают бросить дома и работу, поскольку скоро конец света – и мы должны быть к нему готовы.

Я лежу в кровати и смотрю на плотные тени черных берез за окном. Время за полночь. Мне давно пора спать, но уснуть не получается: отец ушел три часа назад и пока не вернулся. Он вместе с другими мужчинами нашего дома патрулирует подъезды. В Москве взрывают жилые дома. Кто стоит за взрывами – неизвестно.

Мама говорит, это религиозные фанатики, а папа твердит: – Давайте без теорий. У нас нет доказательств, мы не спецслужбы.

Моя мама – косметолог. Днем она работает, а вечером учится на врача – мечтает стать педиатром. Отец – журналист. Он ездит в Чечню почти каждый месяц. Папа дружит с семьями чеченских беженцев в Москве и вдовами погибших российских военных, правозащитниками, коллегами-журналистами и даже депутатами.

Папины друзья с семьями по очереди приходят к нам в гости. Мы – дети – играем, а взрослые о чем-то шепчутся на кухне. Иногда я слышу отрывки разговоров. Почти все они – о войне и о Грозном в руинах. Мне вспоминается царь по прозвищу Грозный. Папа мне про него рассказывал. Я закрываю глаза и вижу высохшего старика, стоящего среди разрушенных домов и смотрящего вдаль, в темноту, слезящимися глазами.

Обычно, после того, как гости уходят, папа читает мне на ночь Пастернака и Ахматову. Иногда он выбирает стихи, которые мама называет «тяжелыми». Тогда она ворчит:

– Она же маленькая!

– Маленькая не значит глупая, – каждый раз отвечает отец и продолжает.

Я лежу под одеялом и не могу согреться. Я представляю себе, как папа – тень среди других теней – молча ходит вокруг дома. Мама сказала как-то, что те, кто взрывает дома, вряд ли дадут себя схватить без драки. Папа часто повторяет, что главная его защита – Слово. Но что могут сделать слова с бомбами – и теми, кто их прячет в подвалах?

Мама дремлет, сидя на краешке моей кровати. Вообще-то я давно засыпаю одна, но сегодня одиночество в ночной темноте кажется мне невыносимым. Наконец мы слышим шум за дверь. В полутьме белым всполохом мелькает мамина быстрая и испуганная улыбка. В коридоре щелкает замок.

– Весь вечер тебя ждала, – нервно посмеивается мама, открывая дверь в мою комнату. Папа заходит и садится рядом со мной. На кухне мама включает кофемолку. Ночью кухня становится запретной территорией – мне туда нельзя. Папа говорит, только в это время им с мамой удастся побыть наедине. Родители пьют кофе, курят и допоздна разговаривают. Я знаю: еще минута, а может, две – и отец снова оставит меня одну. Поэтому я крепко сжимаю его руку. Она ледяная – на улице прохладно.

– Нас убьют? – спрашиваю я. – Я не хочу умирать.

Слова вырываются у меня против воли, царапая горло изнутри своей страшной и неотвратимой простотой. Я уже не маленькая. Я знаю, что все равно однажды умру. Мне тоскливо не от мысли о смерти, а от чувства, что я могу погибнуть во сне и не заметить этого – как люди, оказавшиеся под завалами своих квартир.

– Тебе не обязательно умирать, человек. Вот я не умру, – вдруг весело шепчет папа, – Я же останусь жив благодаря Слову.

– Это что-то вроде колдовства? – неуверенно говорю я. Мама всегда говорит, что магия – это зло. Отец смеется:

– Ну если это и колдовство, то только белое. Спи. А я тебе почитаю.

Отец делает глубокий вдох и начинает читать – медленно и четко, как молитву:

*И того, чего нет – не было,
И не было того, что есть.
Ни воздуха, ни вечного неба,
Ни понятий там или здесь.
Ни смерти, ни бессмертия не было,
Как не было ни ночи, ни дня,
Только не задевавшее небо
Единое дыхание огня...*

(Ригведа, 129 гимн сотворения мира)

Я закрываю глаза. Мне жарко и неудобно, но я знаю главное правило: нельзя менять позу, в которой пытаешься заснуть. Папа гладит меня по голове. Чтобы сделать ему приятно, я притворяюсь, что уснула. Он целует меня в лоб и уходит. В комнате как будто становится холоднее без него.

Я засыпаю под звук родительских голосов и мечтаю однажды свободно войти на кухню ночью и пить кофе допоздна со своим мужем. В полудреме мне чудится, что у него длинные и нервные руки – как у моего папы.

Белый двухэтажный минимаркет рядом с нашим домом за миниатюрность прозвали «Скворечником». Там можно купить все: от хозяйственного мыла и шампуня до жвачек «Вырви глаз», газировки и сахарных палочек. Я стою у полки и делаю вид, что выбираю шоколадку.

Сегодня важный день – и я пытаюсь успокоиться. «Мы не делаем ничего плохого», – раз повторяю я про себя. Меня легонько бьют

по плечу. Я не оборачиваюсь: я знаю, это Надя. Мы выходим из «Скворечника» и идем в сторону парка. Медленно падает снег и ложится прохладой на наши покрасневшие лица.

Мы молчим. Мне тревожно, что мы солгали родителям. Это была идея Нади. Она предложила сказать моим маме с папой, что с нами пойдет гулять нади́на мама, а ей – что за нами будут следить мои родители. Я не хотела врать, но взрослые могут все испорить, если узнают, что мы задумали.

– Не боишься, что спалют? – говорю я как можно небрежнее. Надя фыркает:

– Спалют? Маман целыми днями играет в автоматы. Пусть она боится, что ее спалют – прикинь, что будет, если об этом узнают другие родители? Или отец, если еще помнит обо мне? Так что маман у меня в долгу, – у Нади низкий голос. Когда она разговаривает, ощущение, что я смотрю фильм с плохой озвучкой.

Еще у Нади бледная до голубизны кожа и самые длинные ногти в классе – за это мальчики ее прозвали Тигрицей и Зомби. Мы с Надей дружим с подготовительного класса, но в последнее время я все чаще замечаю, что без нее мне спокойнее. Рядом с ней я чувствую себя маленькой. Мама говорит, это потому, что Надя – «отчаянная и ничего не боится», а я пытаюсь быть «хорошей девочкой».

– И правильно делаешь: у тебя же нормальные родители, не как у нее, – подмигнула мне мама. Когда я вспоминаю этот разговор, мне почему-то грустно, что у меня не получается быть «отчаянной».

У входа в парк нас ждет Аня. Я никогда не признаюсь Наде в открытую, но Аня – моя лучшая подруга. Она как мое отражение, только лучше. Аня говорит, что все в ее семье по женской линии – ведьмы. В классе ее называют Пучеглазиком из-за больших глаз с поволокой, как у теленка. Аня не обижается: она почти никогда не злится.

Мы втроем входим в парк. Он делится на две части: обустроенную

с аттракционами и кафе и дикую, где темнеет пруд в кольце деревьев. За прудом, в глубине леса, есть Мост.

Об этом месте не знают ни родители, ни учителя. Лианозовский Мост соединяет дикую часть парка и старое кладбище. Под Мостом – проезжая часть. Вечером сюда приходят старшеклассники – после них остаются бутылки и окурки. Но днем Мост только наш.

Удостоверившись, что вокруг никого, Надя торжественно кивает. Мы беремся за руки.

– Клянемся никому и никогда не рассказывать о том, что произойдет здесь, – говорит Надя.

– Клянемся, – эхом отзываемся мы с Аней.

– Клянемся, что никогда не назовем магию детской игрой, – продолжает Надя.

– Клянемся, – снова шепчем мы в ответ.

– Клянемся хранить и оберегать нашу школу и район от злых сил, – произносит Надя.

– И нашу семью тоже, – вставляю я. Надя насмешливо смотрит на меня:

– Семейку?

– Хорошая идея, – аккуратно поддерживает меня Аня. Надя подчеркнуто равнодушно пожимает плечами:

– Окей. Клянемся оберегать и хранить нашу школу, район и семьи от злых сил.

Она достает резной флакончик с темной жидкостью. Я чувствую, как холодеет рука Ани в моей руке. Надя делает глоток и протягивает мне.

– Что это? – спрашиваю я.

– Я теперь твоя сестра, ты думаешь, я могу сделать тебе больно? – Надя смеется. Я быстро делаю глоток. Морщусь: по вкусу похоже на кока-колу, смешанную с чаем.

– Что это? – снова спрашиваю я.

– Зелье, конечно. Чтобы скрепить клятву, – объясняет Надя.

Наступает очередь Ани: она допивает все до конца. Я помню, что это всего лишь игра, но с тех пор, как Надя достала флакончик, мне стало по-настоящему страшно. У меня ощущение, что я дала обещание, от которого не смогу отказаться – даже если захочу.

Порыв ледяного ветра со стороны кладбища обжег наши лица. Деревья в парке начинают ритмично раскачиваться.

– Это мертвые приветствуют нас, – шепчет Надя.

– Пойдем-ка отсюда, – говорю я. Взявшись за руки, мы убегаем в благоустроенную часть парка.

Только среди людей я снова чувствую себя в безопасности и забываю о данной клятве.

Мне 12 лет. Нам подарили билеты на мюзикл «Норд-Ост» – по нашей с папой любимой книге. Впервые в жизни я иду на настоящее представление – не для детей. Вечером перед спектаклем у нас дома шумно и нервно. Мама ворчит: потеряла синие тени. Я догадываюсь, что она нервничает не из-за макияжа.

Дело в том, что дверь в спальню плотно заперта – отец еще не начал собираться. Он закрылся в комнате час назад и предупредил, что хочет «быстро закончить кое-что». «Кое-что» – это глава в книге.

Папа может начать работать над книгой в любой момент. Вот и сейчас ему нужно было уйти работать, когда нам надо собираться в театр. В ответ на вопросы, что войдет в рукопись, папа обычно отшучивается: «Зачем делить шкуру неубитого медведя?» Правду знаем только мы с мамой: отец включит в книгу прозу и стихи. Большая часть из них посвящена мне.

Звонит телефон.

– Да? – спрашивает мама и вдруг переходит на шепот:

– Оль, ну ты что? Вы с Сашей как будто сговорились!

И после паузы:

– Поняла тебя. Пока.

Мама кладет трубку и, вздохнув, смотрит на меня:

– Сань, прости. Мы сегодня никуда не пойдем.

Я чувствую, как глаза начинают слепнуть от подступающих слез.

Мама быстро говорит:

– Тетя Оля в последний момент поменяла билеты. Просто ее сын Никита – ну ты помнишь Никиту? – опять черти что натворил в школе. Тетю Олю срочно вызывали к директору, и она решила, что лучше будет пойти всем вместе, но завтра. Слава богу, ее знакомые смогли поменяться...

Из спальни выходит отец.

– Знаешь, все, что не делается, делается к лучшему, – говорит он мне. Мама встает:

– Ладно, хотя бы красилась не зря: пойду в магазин. Санька, жди сюрприза! – она целует меня и шепчет:

– Завтра обязательно пойдем.

Папа заваривает чай и зовет меня на кухню есть бутерброды. Он кладет слишком много масла, я так не люблю – но все равно ем и улыбаюсь. На кухне работает радио. Я так привыкла к голосам ведущих, что почти никогда не вникаю, о чем они говорят. Поэтому я не понимаю, почему лицо отца резко меняется. Он выключает радио и подбегает к телевизору.

– Захват заложников на Дубровке. Террористы удерживают трупку мюзикла и зрителей... – тараторит диктор в студии.

Хлопает входная дверь – мама вернулась. Сумки падают у нее из рук. Она смотрит на нас:

– Они пошли туда по нашим билетам, – и садится.

Я чувствую себя так, как будто сделала что-то ужасное – и теперь до самой смерти придется просить за это прощение. Я отказываюсь от киндер-сюрприза, который мама купила специально для меня. Мне кажется, что я не имею права есть – особенно то, что люблю. «Они пошли туда по нашим билетам».

Проходят сутки. Террористы время от времени кого-то выпускают. Папа говорит, это «капля в море»: почти 900 человек по-прежнему сидят в концертном зале. Им не разрешают даже выйти в туалет. Вместо него им приходится использовать оркестровую яму.

Вечером второго дня папа уезжает на Дубровку. После его отъезда мама заставляет меня съесть йогурт:

–Хватит голодом себя морить! Этим делу не поможешь.

Потом она уходит в другую комнату поговорить по телефону.

– Саша уехал опять, вечно бросает нас одних с Санькой,
– всхлипывает мама. – Я все понимаю, но в этой раз мог бы сделать исключение – ребенок сидит еле живой от переживаний.

Я иду к себе и ложусь на кровать, не раздеваясь. Мне не хочется засыпать, пока нет новостей от папы, но все-таки проваливаюсь в сон. Утром мама сообщает, что договорилась с классной руководительницей оставить меня дома на несколько дней. Я не спрашиваю, где папа. Его отсутствие в квартире я ощущаю физически. Мне сложно объяснить это, но я знаю, что между нами есть невидимая связь, как будто мы одно целое.

26 октября я просыпаюсь рано – на часах еще нет семи. Я бегу на кухню и вижу на столе остывший черный чай. Воровато отпиваю глоток и чувствую терпкий вкус бергамота, сахара и коньяка. Папа дома.

Входит мама и шепчет:

– Он спит!

Я сажусь спиной к телевизору и смотрю на раздутые белые облака, плывущие по темному небу. Краем глаза я наблюдаю за квадратом горящего экрана. Неожиданно мама делает погромче: диктор объявляет, что рано утром произошел штурм.

– Санька, заложников освободили! – говорит мама.

Я не успеваю обрадоваться: я застываю перед телевизором. Вместо выбегающих из театра заложников я вижу, как из театра белые тела и кладут на асфальт. Сотни тел.

– Они что, все мертвы? – шепчет мама. Я закрываю глаза. «Они пошли туда по нашим билетам», – звучит в моей голове. Каждое слово звучит четко как удар колокола и отдается тянущей болью в области висков.

Днем нам звонит тетя Оля. Семья, с которой мы поменялись билетами, выжила: дочь осталась инвалидом, мать – в коме, а отец дышит, ест, но не разговаривает.

– Говорят, в театр пустили какой-то усыпляющий газ. Хотели уничтожить террористов, но, кажется, вместе с ними пострадали и заложники. – слышу я голос тети Оли. Мама говорит что-то про слухи и богатое воображение людей, но мне все сложнее вникнуть в то, что она говорит – я погружаюсь в состояние, похожее на транс.

Остаток дня я мерзну под пуховым одеялом и бессмысленно всматриваюсь в пустоту оконного проема. На следующее утро я впервые за долгое время заболеваю.

После двухнедельного заключения дома кажется, что я не видела наш двор и парк несколько лет. Тихим воскресным утром я стою на улице и смотрю на снег. Мне кажется, я слышу, как с легким шипением снежинки ложатся на черную землю, сверкающую от влаги. Если прямо сейчас у меня спросят, верю ли я в призраков, я отвечу: «Да». Я сама ощущаю себя призраком.

За время болезни я похудела и стала еще больше похожей на мальчика. Мне стыдно смотреть на себя в зеркало. Особенно когда рядом родители: мне кажется странным, что у таких красивых людей могла родиться такая, как я. В последнее время стыд – чувство, которое я испытываю практически постоянно.

Я часто думаю о том, как мои родители стояли в живой цепи вокруг Белого дома во время путча и готовились умереть под советскими танками. «Твой отец из первых демократов», – часто с гордостью повторяет мать. А я? Кто такая я – и зачем живу?

Я остаюсь с ночевкой у Ани. Надю не отпустили родители, поэтому мы с Аней можем побыть наедине. Старшая сестра Ани, Марина, купила нам пиццу и взамен попросила не рассказывать, что к ней придет ее парень Витя, ее парень. Мы соглашаемся.

После прихода Вити мы запираемся в комнате родителей Ани и выключаем свет. Ночью московское небо пусто: ни одной звезды. Я думаю про отца. Он опять уехал в Чечню и за неделю от него ни одного звонка. Вчера маме позвонила бабушка, и я слышала, как они решали, на кого меня оставить, если папы больше нет.

– А твоя бабушка правда ведьма? – спрашиваю я Аню, чтобы отвлечься.

– Ага, умела зачаровывать лошадей, – Аня переходит на шепот.

– А моя прабабушка вышла замуж за цыгана, – признаюсь я, – Его сестра ненавидела прабабушку. И вот однажды в деревне стал гибнуть скот. Стали говорить, что в сараи наведывается волчица. Как-то раз прабабушка поздно ночью вышла на улицу. И увидела прямо перед собой волчицу. Волчица на нее кинулась, а прабабушка схватила лопату и перебила ей задние ноги. Утром сестра прабабушкиного мужа не вышла к завтраку. Когда прабабушка зашла к ней, она увидела, что та лежит с окровавленными ногами.

Мы замолкаем. Раздается звонок. Это Надя.

– Ну что, чем занимаетесь? – спрашивает она. Аня включает громкоговоритель.

– Болтаем, – отвечаем мы.

– У меня идея, – перебивает Надя. – Пошли в парк?

– Сейчас? – морщусь я.

– Зачем? – удивляется Аня.

– Мы хотели собрать орешник для ритуала. Вот и пойдём. Я читала, его собирают в полнолуние.

Мы действительно хотели пойти за орешником: бабушка Ани рассказывала, что он защищает от злых сил.

– Но на улице темно, – говорю я.

– Я буду ждать через двадцать минут у светофора. Не придёте – пойду одна.

Надя бросает трубку.

Через пять минут мы выходим из дома, радостно и жадно вдыхая морозный мартовский воздух. Надя встречает нас на назначенном месте. Втроем мы бежим в парк. Орешник растёт на берегу побелевшего от льда пруда. Мы скользим по склону и оказываемся рядом с облезшим кустом.

– Надо сложить ветки в виде круга вокруг нас и поджечь, – руководит Надя. Посмотрев на меня, она добавляет со смешком:

– Это безопасно, мы сделаем широкий круг, огонь нас не тронет.

Я хочу сказать, что это уже не похоже на игру, но замечаю надин взгляд и молча рву ветки.

Мы делаем ведьмин круг. Аня снова вспоминает о своей бабушке-колдунье: с помощью магии она спасла своего отца. На его имя во время войны пришла похоронка, а бабушка Ани вернула его домой.

Мы встаём в круг, Надя опускается на колени и, достав зажигалку, поджигает ветки.

– О чём мы просим? – говорит Аня.

– Каждый о своём, – отвечаю я.

Я думаю об отце. Мы стоим в центре, держась за руки, и смотрим на огонь. Вдруг раздаются пьяные голоса. Кто-то идёт в нашу сторону. Мы перепрыгиваем через догорающие ветки и бежим, пока не оказываемся у светофора.

На следующее утро маме звонят из Чечни: папа возвращается

домой.

В честь возвращения папы мы вместе идем в «Скворечник» за тортом и газировкой. В «Скворечнике» людно и жарко. Отец, щурясь, читает состав на бутылке с тархуном. Я смотрю на него и чувствую гордость: вдруг отчасти он вернулся благодаря мне?

– Ты веришь в магию? – спрашиваю я. Слова вырываются раньше, чем я успеваю подумать, правильно ли говорить о таких вещах в «Скворечнике», где много чужих глаз и ушей.

– Что за вопрос? – смеется отец.

Говорить с ним о магии нельзя: мы дали клятву на Мосту. Но я все равно рассказываю ему все. Я понимаю: место и время совершенно не подходящие, но, если я не расскажу ему все прямо сейчас, то не сделаю это никогда.

Вдруг я замечаю Надю: она медленно выходит из-за полки с чипсами. Надя не сводит с меня глаз. Я хочу подойти, но она разворачивается и исчезает за кассой.

– Вы поссорились? – мягко интересуется папа.

– Я не должна была говорить. О магии. О Мосте. Обо всем, – говорю я.

– Я никому не скажу. Обещаю, – тихо говорит отец и целует меня в лоб. Я улыбаюсь – конечно, он никому не скажет, и Надя с Аней это поймут – и предлагаю купить птичье молоко.

На следующий день Надя объявляет мне бойкот.

– Магия тебя оставила. С этой минуты ты обычный человек, – говорит она и берет Аню за руку:

– Пойдем отсюда.

– Прости, – шепчет Аня.

Я остаюсь одна.

Почти каждую ночь летом мне снится Норд-Ост. В моих снах мы с

отцом и матерью оказываемся заперты в душном театральном зале. Мы ждем помощи. Но в глубине души я знаю: никто за нами не придет. Раз за разом я просыпаюсь и подолгу лежу без сна. Мне хочется написать Ане и рассказать ей обо всем.

Но даже если бы я решилась это сделать после объявления бойкота, я бы не смогла: мы уехали на три месяца на остров Белом море. Связи с Москвой у нас нет. Отец взял отпуск за свой счет до конца августа, чтобы закончить книгу. Я тоже мечтаю писать. Но только о чем?

Однажды вечером мы с отцом вдвоем идем на берег. Солнце уже село, но в воздухе стоит прозрачный полумрак – тут белые ночи. Мы садимся у скал и разводим костер. Я смотрю на отца и пытаюсь представить, что будет, когда его не станет. Что я должна почувствовать? Будет ли преступлением дышать, когда он уже дышать не сможет?

– Ты плачешь? – отец хмурится. Я быстро вытираю слезы:

– Я подумала, что будет, когда ты... ну или я...

Отец улыбается:

– Знаешь, в Древней Индии верили, человек – соляная фигурка, и высшее счастье для него – раствориться в бескрайнем океане Брахмана, создателя. Понимаешь? Мы не умираем, а становимся частью Вселенной. Из нашего праха растут леса. Наша память живет в наших детях. Наше Слово хранит частичку нас самих. Вот почему я люблю читать: так можно общаться с призраками тех, кто давно уже нас покинул.

Мы садимся рядом и закидываем удочки в иссиня-черные воды ночного моря. Я касаюсь кончиком ботинка воды. Мне хочется представить, каково это – раствориться и никогда не существовать.

Мы возвращаемся в гостиницу на рассвете. Когда отец засыпает, я беру фонарик и начинаю писать: «Жили-были три девочки-волшебницы. И однажды они задумали победить Смерть.»

1 сентября отец опять уехал. На этот раз – в Беслан: там захватили заложников в школе. Мама говорит, что женщины во все времена ждали мужчин, отправившихся в дальние земли. Мне противно ее слушать. И ждать тоже противно.

После уроков я не иду домой. Я отправляюсь на «дальнюю» лестницу: по ней редко ходят. На ступеньках сидят Аня с Надей и смешивают что-то в контейнере. До ссоры мы хотели приготовить особое охранное зелье и разлить его в разных уголках школы.

– Я хочу вернуться, – говорю я. Надя даже не смотрит на меня:
– Нарушила правила – выметайся. Самое слабое звено, все дела.
– Не слабое, – говорю я и, открыв рюкзак, достаю оттуда кухонный нож, обернутый в тряпку. Я крепко сжимаю рукоятку. Мне почти не страшно: все происходит как будто бы понарошку. Я быстро провожу по ладони. Кровь мерно капает на пол.

Аня восхищенно смотрит на меня. Надя после паузы прохладно говорит:

– Если еще раз нарушишь клятву – выгоним навсегда. Ясно?

Я заматываю руку тряпкой и сажусь рядом с ней.

– Я написала кое-что. О нас.

– Прочитаешь? – спрашивает Аня. Я киваю и достаю из кармана распечатанную сказку. Впервые с отъезда папы мне хорошо.

В первое утро осенних каникул я просыпаюсь непривычно рано. На кухне вполголоса разговаривают родители.

– Не говори ей, – просит мама, – Это, конечно, один из самых мудрых твоих поступков за это время...

– Тогда почему нельзя сказать Саньке?

– Она же еще маленькая. У нее сейчас непростой период: все время переживает, то за тебя, то за подружек, видел, как она похудела опять?

– Тебе нужно понять: у нас нет больше ребенка. Наша дочь вполне взрослая, чтобы понять меня.

Я появляюсь в дверном проеме и спрашиваю:

– В чем дело?

– Папа опубликовал книгу, – говорит мать с мягкой улыбкой. Ее голос меняется: обычно она разговаривает так со мной, когда я лежу с высокой температурой. Меня это злит.

– И что? – резко спрашиваю я. Мать поджимает губы:

– Я еще ничего не сказала, а ты уже грубишь.

– Я не грублю! – огрызаюсь я.

Мама устало прикрывает глаза:

– Разбирайтесь сами.

Отец преувеличенно спокойно начинает:

– Есть люди, которых я раздражаю. Я не хочу привлекать внимание к своей семье и поэтому убрал некоторые посвящения из книги.

– Что ты убрал? – тихо спрашиваю я. – Что конкретно?

Отец опускает голову. Я понимаю, что речь идет не о «некоторых посвящениях» – а обо всех. Мне вдруг вспоминается, как отец однажды сказал: «Журналист должен беспощадно вырезать то, что вредит тексту». Он вырезал меня из своей книги. Я стараюсь дышать ровно, как нас учил школьный психолог. Вдох-выдох.

– Раз ты решил вырезать все, ты и маму убрал оттуда? – спрашиваю я.

Мать с отцом виновато переглядываются. Я срываюсь на крик:

– Ее ты там оставил, а меня – убрал?!

– Я часто хожу с папой на мероприятия, – мама снова включает режим разговора с неизлечимо больной. – Даже если бы папа убрал посвящения мне, это бы ничего не изменило.

– Позже я выпущу цикл «К дочери» отдельной книжечкой, – быстро говорит папа. У него нет отдельного цикла «К дочери» – он явно только что его придумал, чтобы утешить меня. От их заискивающих интонаций мне становится совершенно невыносимо. Я мечтаю с помощью какого-нибудь мощного заклинания превратиться

во взрослую. В того, кого воспринимают всерьез.

Я чувствую, что начинаю задыхаться. Хлопаю дверь и возвращаюсь к себе. Вскоре отец зовет пить чай, но я молчу. Когда он уходит, я со злостью шепчу:

– Больше никакой магии, никакой защиты.

Мне становится страшно от сказанного, но вскоре обида перевешивает страх. Я больше не разговариваю с отцом.

– Это самая холодная зима с начала нового века, – монотонно говорит диктор на радио. Я смотрю за окно: мелкий снег искрится жемчужным бисером в пронизанном солнечными лучами воздухе. Деревья переливаются перламутром в ледяных скафандрах. Я не хожу в школу уже несколько дней: наш мэр разрешил детям оставаться дома из-за сильных морозов.

Мне звонят попеременно то Надя, то Аня, но я не могу заставить себя поговорить с ними. Наверное, я боюсь. Если я расскажу про случившееся с отцом, не обвинят ли меня в том, что я веду себя по-детски? Я поворачиваюсь: родители сидят за столом, синхронно размешивают сахар в кофе. Они молчат. С момента последней ссоры мы все по большей части молчим, как будто боимся разрушить хрупкое перемирие.

– Мне предложили телохранителя. Я отказался, – вдруг произносит отец.

– Неужели все так серьезно? – тихо спрашивает мама.

Отец пожимает плечами. Он как будто постарел на последнее время. Мне становится его жаль. Но я заставляю себя отвернуться и сосредоточиться на снеге за окном. Наверное, однажды я прощу его – но сможем ли мы снова стать близки как раньше?

Я быстро одеваюсь и собираю рюкзак: внизу нас ждет папа. Мы

уезжаем на Новый год на дачу к бабушке с дедушкой. Морщась от веса рюкзака, я захожу в лифт. Света нет: надо опять менять лампочку. Я закрываю глаза, чтобы не думать о плотной темноте, накрывшей меня с головой.

Двери лифта открываются на первом этаже. Я вижу серебрищийся край маминой шубы. Она резко поднимается и кричит:

– Езжай обратно! Слышишь?! Езжай обратно!

Я смотрю на ее лицо и с трудом его узнаю. Сначала мне кажется, что на нее кто-то напал – и ударил: на щеках расползаются уродливые красные пятна. Я подаюсь вперед, чтобы помочь ей, но мама грубо заталкивает меня в лифт и нажимает на кнопку. Двери захлопываются.

Я вхожу в квартиру. От обиды я становлюсь страшно неуклюжей и цепляюсь буквально за все. Отшвыриваю ботинки и с размаху падаю на кровать. «Никуда не поеду, пока она не извинится», – думаю я.

Мне кажется, родители поссорились, и мать отказалась ехать на дачу. Может быть, мама боялась, что я увижу, как она плачет одна в подъезде? На мгновение мне хочется спуститься обратно. Но я останавливаю себя.

Мать не возвращается. Я не замечаю, как засыпаю. Когда я открываю глаза, за окном уже темно, а в квартире – все еще пусто. Я хмурюсь: не могли же родители уехать без меня? Раздается звонок. Я нехотя поднимаю трубку.

– Меня зовут Алена, я редактор новостной службы телеканала НТВ, – тараторит женский голос на другом конце. – Мы хотели бы поговорить с Александром Войновым.

– Его сейчас нет, я передам, что вы звонили – я его дочь, – отвечаю я.

– Его дочь? – голос Алены почему-то становится выше, – Простите, но можете ли вы подтвердить или опровергнуть факт покушения на вашего отца?

– Какой факт? – беспомощно повторяю я.

– Факт покушения на вашего отца в подъезде дома. Можете подтвердить или опровергнуть?

Я кладу трубку. Подумав, вырываю телефонный провод из розетки. Делаю два круга по комнате. Я не чувствую ног. В груди неприятно покалывает. На часах почти девять, значит, скоро начнутся вечерние новости. Включаю телевизор. После анонса ведущий объявляет, что мой отец был убит в подъезде собственного дома 30 декабря 2003 года тремя выстрелами в упор.

Меньше всего на похоронах мне хотелось плакать. Я не верила, что этот чужой, белый человек в гробу – мой папа. В церкви на отпевании собрались журналисты, киношники и писатели. Они по двое выходили курить и возвращались молчаливые, с покрасневшими глазами. Маме все пожимали руку.

– Ваш муж погиб за свои убеждения, – торжественно говорили ей. Мама никому не отвечала и только щурила глаза: из-за слез сосуды в них полопались.

Прошло несколько дней. Мама заказывает памятник отцу и просит выбить золотыми буквами что-то про свободную журналистику.

– Папа терпеть не мог золото, – шиплю я. Мама злится:

– Мне лучше знать!

– А вот и нет! Ты ничего про него не знала! Только и делала, что ругалась и ворчала, хотела запретить ездить в Чечню! Даже если ты не говорила об этом, то точно думала! – парирую я.

– Зато я не объявляла бойкот собственному отцу!

– А я не устраивала ему скандалы, как по расписанию!

Мою щеку как будто обжигает. Я инстинктивно подношу к ней руку. Мама пугается, она пытается меня обнять, но я уворачиваюсь и ухожу в коридор. Мать рыдает на кухне. Я беру рюкзак, папин шарф, куртку и выбегаю из дома. Захлопываю дверь, а вместе с ней отрезаю все: и по-детски шмыгающую носом мать, и всю нашу жизнь.

На морозе слезы жгут глаза. Я смотрю на могилы и бледные лица на памятниках. Январским утром на кладбище тихо. За черными росчерками деревьев белеет шатровая церковь, похожая на ажурный замок. На папиной могиле лежит кот. Он смотрит на меня немигающим желтым взглядом.

Я достаю из рюкзака распечатанные страницы своей сказки. Шепотом читаю:

«Жили-были три девочки. И задумали они победить Смерть...»

На желтом снегу бумажки кажутся прозрачно-голубыми, как первый лед. Чиркаю папиной зажигалкой: газа в ней немного, но мне должно хватить.

«Три дня и три ночи просидели они над древними книгами в поисках рецепта бессмертия...»

Крошечный язычок пламени разрастается и крепнет, брызжет желтыми всполохами.

«Однажды они заснули над очередным манускриптом. И Смерть пришла невидимкой в их дом и забрала всех троих. Их души растворились друг в друге как соляные фигурки – в бескрайнем океане. Плоть умерла – но Магия Слова оказалась бессмертна»

Скоро от моей сказки остается только темная пыль пепла. Черно-белый январский день подходит к концу. Я вдыхаю морозный воздух. Я тоже чувствую себя черно-белой. «Теперь ты обычный человек», – слышится мне Надин голос.

Кот протяжно мяукает. Я беру его на руки: он не сопротивляется. Мы с котом идем к Мосту. В снежном тумане я различаю по другую сторону две тени среди деревьев – я чувствую, что это Аня с Надей. Они встречают меня на середине Моста. Я хочу спросить, откуда они здесь, как догадались, где меня искать. Но вместо этого просто молча улыбаюсь. Надя кивает. Аня берет меня за руку. Вместе мы переходим через Мост

и исчезаем в сумерках парка.

Об авторе: АННА ПОПОВА

Журналист, прозаик. Родилась в Москве в 1994 году. Закончила сценарное отделение ВГИКа (мастерская В.И. Романова и Ю.А. Кошкиной), год проработала в кино сценаристом и продюсером, а затем ушла в журналистику. Трижды номинирована на журналистскую премию «Редколлегия» за тексты о жизни в поселке Белоомут и городах Александров и Козельск. Некаýalar